

СЫН БОГАТОГО КИНТО

Милена Орлова

разнование существенно отличалось от принятой формы отмечания подобных дат. Даже обязательные в таких случаях мероприятия были окрашены каким-то особым пафосом: так чувствуют только национальных героев или поп-звезд, что в принципе одно и то же. Глава грузинского государства Эдуард Шеварднадзе не только посетил огромную персональную выставку Пиросмани в Тбилисском художественном музее, но и приветствовал пространной речью гостей и соотечественников на ежегодном (!) празднике Пиросманоба в кахетинском селении Мирзаани, где родился художник и где существует его музей. Замечательно, что искренняя любовь к «бедному художнику» совершенно стерла грань между «официальной» и «неофициальной» частями. Начавшись с «живых картин» — маленьких кинто (разносычков, уличных торговцев), с гордостью заставивших в нужных по сценарию позах, праздник в Мирзаани, собравший народ со всех окрестных селений, плавно перетек к представлению другой, не менее значительной части творческого наследия Пиросмани, а именно к грандиозному кутежу, пользуясь терминологией самого художника, под открытым небом, в виду Кавказских гор и под сенью виноградной лозы. В почетной роли тамады выступал министр культуры, что отнюдь не удивительно — можно утверждать, что застольный ритуал составляет основу национальной идеологии Грузии.

По-видимому, именно простодушная формула «национального характера», введенная Пиросмани и до сих пор, несмотря на тяжелые для Грузии времена, не потеряв-

Миллион алых роз

В Грузии под эгидой ЮНЕСКО и при поддержке Центра Сороса отметили 130-летие Нико Пиросмани

шая актуальности, в большей степени обеспечила ему столь единодушное поклонение соотечественников, чем слава примитивиста мирового уровня. Трудно представить, что кто-либо из российских художников мог бы быть удостоен таких почестей (в одиночку). Слишком сложным оказалось бы доказательство этой российской «теоремы национального». Характерно, что русская часть приуроченной к празднику Международной биеннале современного искусства (кроме России и Грузии, в ней участвовали Азербайджан и Армения) называлась «Кто я?» и представляла собой скорее парад индивидуальностей, чем целостную экспозицию. Часть приглашенных из Москвы художников мобильно среагировала на предложенные обстоятельства. Никита Алексеев разместил свой автопортрет в бурке и папаче на фоне роскошного ковра, шапек и прочих этнографических предметов из местного исторического музея («Я с детства мечтал быть грузином»). Николай Панитков сотворил некий алхимический прибор (по возгонке грузинского духа), состоявший из проволочного контура знаменитой возлюбленной Нико актрисы Маргариты на фоне черной клеенки (ноу-хау Пиросмани) и реторты с красным вином, капавшим на раскаленный электроплиткой бульжник из тифлиской мостовой. Работа же Константина Звездочетова случайно выявила необычайно высокий уровень экологического сознания тбилисских зрителей. По их требованию прямо на вернисаже был выпущен на свободу посаженный автором в клетку маленький котенок — аватара того тигра, в чьи шкуры был одет витязь из поэмы, которую в видеозаписи читал Константин по-русски, но задом наперед.

Вообще возможность взаимного непонимания, связанного с «национальным вопросом», представляла собой довольно серьезную опасность для участников биеннале. Стоит заметить, что впервые после распада СССР в одной выставке выступили армянские и азербайджанские художники. Совместная инсталляция Сони Балассанян, Степана Верянина и Азата Саркисяна под вполне постмодернистским названием «Грань. Граница», имевшая весьма интернационально-абстрактный вид — насыпанная в центре зала земля, видеопроекция обнаженного мужчины, влезавшего и вылезавшего из огромных зарытых в землю кувшинов для вина, наконец, мешок кукурузной муки, помещенный на импровизированную башню, — была воспринята их азербайджанскими коллегами болезненно и конкретно, памятью карабахский конфликт. Сами же азербайджанцы поступили весьма политкорректно, представив разнообразную приятную для глаз живопись, которую у нас почему-то принято именовать салонной, но которая, вполне возможно, в локальном контексте воспринима-

ется иначе. Однако благодаря дипломатичности и обаянию взявшего на себя роль куратора художника Мамуки Цецхладзе все острые углы были сглажены, и возникшие между художниками отношения можно было бы определить сакраментальной фразой о дружбе народов.

Между прочим, о пользе непосредственных личных контактов свидетельствовал особенно приятный для московского критика сюрприз. На вернисаже, и так многолюдном, появилась группа молодых людей с довольно странными опознавательными карточками на лацканах: с фото художественных знаменитостей типа Бойса и Болтански соседствовала одна и та же надпись «Почему меня не взяли на эту выставку?». Таким образом члены армянского фиктивного туристического агентства «Глобал-Локал» (довольно модная ныне форма художественных организаций) совершили оммаж Бренеру, информация о котором попала в Ереван по личным каналам.

Что касается хозяев, то с точки зрения современного состояния грузинского искусства выставка «Опыты сердца», сделанная год назад в зале на Каширке Евгенией Кикодзе (немало способствовавшей и организации биеннале), в которой участвовали многие из художников, представленных и на биеннале, была гораздо более репрезентативна, чем нынешняя экспозиция. Но с позиции исторической, на которую куратору, очевидно, склонил общий характер мероприятия, выбранный им путь ретроспективы грузинского искусства за последние тридцать с лишним лет кажется вполне логичным. Работы легендарных шестидесятников Авто Варази и Амира Какабадзе соседствовали с поп-артом участника «бульдозерной» выставки Отара Чхартшвили, «наивное» искусство было представлено Ватией Давиташвили из Телави. О волне грузинского искусства, захлестнувшей Москву в конце восьмидесятых, напомнили интеллектуальные упражнения Гелы и Иликко Зауташили и Мамуки Джапаридзе, и характерный для эпохи «дворников и сторожей» экзистенциализм Карло Качарави.

Но чем ближе к сегодняшнему дню, тем сложнее проводить параллели с российской ситуацией. Традиционные русско-грузинские связи последнее время сильно ослабли, и прототипы современных тбилисских художественных мод стоит, видимо, искать в Париже и Лондоне, а никак не в Москве. Впрочем, очевидное возрождение живописи самых разнообразных стилей можно отнести и за счет «национального характера», хотя, как гласит легенда, главный грузинский живописец, сотворил, быть может, и первую инсталляцию — из алых роз. Главное из искусств — искусство жить. Так выпьем же за это!